

Я посмотрела на нефритовые подвески в его руке. В Западной Лян бывало много чужеземных торговцев, и место, где изготавливали нефритовые изделия, располагалось недалеко, так что я видела много нефритовых украшений. С тех пор как я приехала в столицу, в Восточном дворце тоже хранились всевозможные виды украшений, но я никогда не видела нефритового кулона, который был бы настолько красив. Этот белый нефрит был очень гладким, под луной он наверняка сиял очень ярко.

- Я никогда раньше не видела этот нефритовый кулон. – Меня одолело любопытство. - Ты сказал, что мы договорились уехать вместе, но почему не уехали?

Он медленно опустил руку и тихо сказал:

- В тот день у меня внезапно возникло важное дело, поэтому я не смог прийти к заставе Юймэнь. Когда я прибыл к заставе Юймэнь, прошло уже три дня и три ночи. На песке лежал твой нефритовый кулон, но ты уже ушла...

Я посмотрела на него. Он, похоже, не лгал, когда сказал, что не смог прийти к заставе Юймэнь в тот день. Выражение его лица было наполнено невысказанным сожалением и разочарованием.

Я потеряла к его рассказу интерес.

- Начало этой истории неплохое, но дальше она становится бессмысленной, так как ты был тем, кто не смог прийти в тот день. Я тебя не знаю, так что ты, должно быть, перепутал меня с кем-то. - Я повернулась, чтобы посмотреть на цвет неба. - Сейчас мне нужно поспать. Кроме того, тебе больше не следует сюда приходить. Если кто-то увидит тебя, неприятностей не оберешься, а у меня и так достаточно проблем.

Он некоторое время смотрел мне в лицо, а потом спросил:

- Сяо Фэн, ты все еще винишь меня в этом?

- Какой мне смысл винить в этом тебя? Я действительно тебя не знаю!

Какое-то время он не издавал ни звука. В конце концов, он глубоко вздохнул, достал наконечник стрелы и сказал:

- Если ты столкнешься с какой-либо опасной ситуацией, выстрели наконечником стрелы в воздух, тогда я приду и спасу тебя.

Рядом со мной А'Ду, с какой опасной ситуацией я могу столкнуться? Мне не нужен был наконечник стрелы, но он заставил меня принять его. Он осторожно поднял меня, но прежде чем я успела закричать, мы уже стояли на твердой земле. Отослав меня обратно в дворцовую

резиденцию, не дожидаясь, пока я обернусь, он уже вернулся на крышу, беззвучно глядя на меня издалека. Потом он развернулся и, наконец, ушел.

Закрыв окно, я передала наконечник стрелы А'Ду со словами: «Этот Гу Цзянь, хотя и обладает исключительными навыками боевых искусств, кажется слишком загадочным человеком. Он говорит, что я его знаю, но если я его знаю, то почему совсем его не помню?» А'Ду уставилась на меня, ее взгляд был полон нежности и жалости. Я не понимаю, почему она так смотрела на меня. Вздыхнув, я пошла спать. А'Ду не могла говорить, так как же она могла сказать мне?

И всё-таки этот Гу Цзянь, что он за человек?

Я не смогла как следует выспаться, потому что сегодня ночью произошло так много всего. Мне приснился беспорядочный сон: во сне был человек, играющий на гуане, я хотела подойти к нему, но повсюду был густой туман, поэтому я не могла разглядеть его лица. Он стоял там, не слишком близко, но и не слишком далеко. В глубине души я почему-то знала, что не могу подойти к нему. Стоя в тумане, я колебалась и, наконец, мне удалось найти его. Я была так рада его видеть, что побежала к нему, но поскользнулась и упала в бездонную яму.

Пока я в отчаянии падала вниз, вдруг кто-то поймал меня в воздухе, и ветер засвистел у меня в ушах. Он держался за меня, медленно падая вниз... Он спас меня, поддерживая в этом воздушной воронке... Мы всё кружились и кружились... кружились, не переставая... Небо было заполнено звездами, как будто они были каплями дождя, падающими вниз... Между небом и землей, только он смотрел на меня своими глазами... В его глазах была только я... Мне хотелось упасть в обморок. Тот человек, который держался за меня... Я знаю, что он глубоко любил меня. Пока он был рядом, я чувствовала облегчение.

Когда я проснулась, был уже день. Мне уже много раз снился этот сон, но каждый раз, когда я просыпалась, я чувствовала разочарование, потому что не могла ясно видеть его лицо. Каждый раз, когда мне снился этот сон, я прилагала все усилия, чтобы четко разглядеть его лицо, но мне никогда это не удавалось. Этот раз не был исключением. Я обернулась и заметила на подушке цветок, освежающий и влажный.

Я была удивлена, А'Ду спала перед окном, и почти никто не может избежать ее глаз и ушей, кроме этого Гу Цзяня. Я быстро открыла окна и успела мельком увидеть тень человека в белой одежде, но Гу Цзянь быстро исчез.

Я положила цветок в вазу. Мое настроение немного улучшилось, но пробыло таковым недолго, потому что Юн Нян сообщила мне, что вчера Ли Чэн Инь всю ночь пил вино и напившись, устроил беспорядок.

Я не могу смотреть на такого человека. На его месте я бы улизнула, чтобы повидаться с Чжао Лян Ди, поскольку она все еще была жива, и придумала, как им двоим быть вместе. Недаром говорят: «Был бы лес, а дрова найдутся [1]».

[1] 山窮水盡 (liúdé qīngshān zài, bùpà méi chái shāo) – син. еще не все потеряно; пока жив

человек, жива и надежда; были бы кости, а мясо нарастет; букв. были бы горы Циншань, а хворост найдётся.

Я сказала Юн Нян, что нам не нужно заботиться о Ли Чэн Ине, и позволить ему упиться до смерти не такая уж плохая идея.

Я ляпнула это, не подумав, но Ли Чэн Инь пил вино непрерывно в течение трех дней, каждый день, пока не падал с ног. На четвертый день он, наконец, заболел.

Когда он бывал пьян, он всегда выгонял дворцовых служанок и не позволял им входить в его дворцовую резиденцию. Напившись в этот раз, он простудился, у него заболело горло, а потом поднялась температура. Место, где я живу, находилось в половине дворца от его резиденции, поэтому информация, которую я получала, обычно запаздывала. Когда я узнала об этой ситуации, он заболел достаточно сильно, так как весь дворец до сих пор не ведал о случившемся.

- Наследный принц не хочет принимать лекарство и не хочет, чтобы о его состоянии прознали во дворце. - Юн Нян понизила голос: - Из-за положения Чжао Лян Ди он все еще сердится на императрицу.

Я чувствовала, что это глупо и смешно:

- Неужели мучить себя - это способ отомстить за Чжао Лян Ди?

- Наследный принц от природы добросердечен и получил много любви от императора и императрицы, но всё равно... - Юн Нян не сказала ничего плохого о Ли Чэн Ине, оборвав свою фразу.

Я решила навестить Ли Чэн Иня, чтобы узнать, действительно ли он болен. Даже если он умрет от болезни, это не имеет значения, но я не хочу быть вдовой.

Ли Чэн Инь, должно быть, был очень слаб, потому что, когда я подошла к его постели, он не рассердился. Он, наверное, забыл, что всякий раз, когда я посещаю его дворцовую резиденцию, он обращается со мной как с крысой и вышвыривает меня вон. Дворцовая служанка помогла мне открыть сетку у кровати, и я увидела, что лицо Ли Чэн Иня покраснело, как вареный краб. Кстати о крабах, до приезда в столицу я никогда раньше не ела крабов. В первый мой год во дворце во время празднования фестиваля Двойной Девятки [2] был устроен грандиозный банкет, одним из основных блюд на котором был приготовленный на пару краб. Тогда я во все глаза смотрела на красного краба, но не знала, как его есть. Ли Чэн Инь был суров со мной по этому поводу, и всякий раз, когда этот вопрос упоминался, он всегда повторял, что я была женщиной Западной Лян, которая никогда раньше не видела крабов.

[2] 重九 (chóngjiǔ) - 9-е число 9-го лунного месяца, праздник двойной девятки, праздник хризантем (народный праздник в Китае). Согласно И Цзину, девять — «янское» число; девятый

день девятого лунного месяца (дважды девять) обладает огромной силой ян и поэтому потенциально опасен. Для преодоления этой опасности традиция велит взобраться на высокую гору, пить хризантемовое вино и носить ветви кизила лекарственного, а также мешочек с кизилом, т.к. хризантемы и кизил считаются очищающими растениями.

Я коснулась лба Ли Чэн Иня, он был горячим, как кипяток.

Я несколько раз позвала его: «Ли Чэн Инь!» - но он не ответил мне.

Похоже, он не приходил в сознание, лишь хватал ртом воздух, и даже побледневшая кожа на его губах растрескалась.

Я хотела отдернуть ладонь, но внезапно он схватил меня за руку. Его рука была горячее, как кусок раскаленного железа. Его дыхание участилось, но неясный голос все еще был слышен: «Нян... Нян...» Я никогда не слышала, чтобы он называл императрицу «Нян». В конце концов, императрица была императрицей, а он - наследником престола, так что они оба вели себя предельно вежливо. Императрица обращалась с ним так же, как и со мной, кроме «встань», «сядь», «иди», она могла произнести длинную речь, чтобы отчитать его, но не более того.

Я чувствовала, что Ли Чэн Инь очень жалок.

Быть наследной принцессой было очень нелегко, ведь постоянно нужно было напоминать себе: это делать нельзя, то нельзя. Каждый год во дворце проводились многочисленные церемонии, необходимость носить церемониальную одежду и корону феникса всегда заставляла мою талию болеть, а спину ныть. Императрица проявляла своеобразную заботу, говоря, что я еще молода и должна была приехать из Западной Лян в столицу, чтобы выйти замуж, поэтому она никогда особо не критиковала меня. По сравнению с тем, чтобы быть наследной принцессой, быть наследным принцем было в тысячу, в миллион раз более тяжело. Если бы мне пришлось читать все эти книги, у меня бы точно разболелась голова. А Ли Чэн Инь должен был запомнить все эти книги, уметь с выражением читать стихи, рисовать, хорошо владеть навыками стрельбы из лука и верховой езды. Его детство, должно быть, было несчастливым, учиться сразу стольким вещам наверняка было трудно для маленького мальчика.

Я не могла вырваться из его хватки, настолько Ли Чэн Инь крепко вцепился в мою руку. В этот момент дворцовая служанка принесла лекарство. Юн Нян передала мне чашу, тихо сказав: «Наследная принцесса, лекарство». Я крикнула: «Ли Чэн Инь! Вставай и выпей лекарство!» Ли Чэн Инь не ответил мне, а только продолжал сжимать мою руку. Юн Нян приказала дворцовым служанкам положить несколько подушек на кровать и помочь Ли Чэн Иню подняться. Он наполовину клонился в сторону, наполовину сидел. Юн Нян кормила его лекарством с нефритовой ложечки, но он не открывал рта. Нам оставалось только положить пол-ложки в угол его рта и позволить лекарству течь в рот.

Больше не в силах этого выносить, я сказала: «Я сделаю это». Ли Чэн Инь все еще держал меня за правую руку, так что я могла держать чашу с лекарством только левой рукой. Я повернула голову, чтобы попросить А'Ду: «Зажми ему нос». А'Ду подошла к Ли Чэн Иню и зажала ему

ноздри, чтобы воздух не выходил наружу. Через некоторое время он, наконец, открыл рот, и я влила туда чашу с лекарством. Ему оставалось только выпить целебное варево, но так как он заглотнул его слишком быстро, то несколько раз закашлялся. Его глаза открылись и он протянул: «Жарко... очень жарко...» Кажется, быть сожженным до смерти было лучше, чем быть до смерти больным.

Я дала понять А'Ду, что она может идти. Ли Чэн Инь все еще держал меня за руку, но не смотрел на меня. Он закрыл глаза и медленно заснул.

Юн Нян помогла мне достать деревянный табурет, чтобы я могла сесть поближе к окну. Я посидела там некоторое время, но чувствовала себя очень неудобно. Ли Чэн Инь все еще держал меня за руку, так что моя рука онемела. Я попыталась отдернуть руку, но как только я пошевелилась, Ли Чэн Инь крепче сжал мою руку. А'Ду, не изменяя себе, мигом достала нож, направив его на запястье Ли Чэн Иня. Я покачала головой, не желая, чтобы она это делала. Если А'Ду причинит ему боль, император пошлет армию атаковать Западную Лян.

Я начинаю скучать по Чжао Лян Ди. По крайней мере, если бы она была здесь, мне не нужно было бы заботиться о Ли Чэн Ине, и даже будь он болен, он бы точно не стал цепляться за меня, как утопающий за соломинку.

Прошел один шичэнь [3], моя рука настолько онемела, что я совсем её не чувствовала. Я начала думать о том, как помочь Чжао Лян Ди выбраться из тюрьмы, чтобы она могла вместо меня выполнить эту трудную задачу.

[3] 一箇 (shíchen) - стар. большой час (одна двенадцатая часть суток, был равен 2 часам).

После двух шичэней половина моего тела онемела, потеряв всякую чувствительность. Я больше не могла этого выносить, поэтому тихо позвала Юн Нян. Она подошла ко мне и опустила голову, чтобы выслушать мою просьбу. Я быстро сказала ей:

- Юн Нян... Мне нужно облегчиться...

Юн Нян тут же сообразила:

- Я прикажу кому-нибудь принести ночной горшок.

Она быстро вышла, а я даже не успела ничего сказать. Она приказала дворцовым служанкам принести складные ширмы, велела им стоять снаружи дворцовой резиденции, а затем заперла двери. Я скривилась от боли, потому что уже едва могла терпеть:

- Юн Нян... но я не могу...

- Я здесь, чтобы служить наследной принцессе...

Мне хотелось закричать:

- Я не могу! Я не могу сделать это здесь! Здесь же Ли Чэн Инь...

- Наследный принц не чужой... И к тому же, он спит. - Юн Нян, как могла, утешила меня: - Кроме того, вы с наследным принцем супружеская пара. Как супружеская пара, у вас одно сердце и одно тело на двоих...

Я не хотела слушать ее длинную речь. Я больше не могла этого выносить, но делать это перед Ли Чэн Инем, перед мужчиной... Мне хотелось плакать. Мне действительно хотелось плакать!..

- Юн Нян, придумай... поторопись и придумай что-нибудь!..

Юн Нян на мгновение задумалась. Я не торопила ее, но, в конце концов, она не смогла придумать ничего лучшего. Я больше не могла терпеть, поэтому неоднократно повторила: «Хорошо, хорошо, я сделаю это здесь. Только встань и закрой меня».

Юн Нян стояла между Ли Чэн Инем и мной, используя свое тело, чтобы закрыть меня от Ли Чэн Иня, но поскольку Ли Чэн Инь все еще держал меня за руку, она могла блокировать только небольшую часть моего тела. Я в панике расстегнула ремень, постоянно глядя на Ли Чэн Иня. А'Ду помогла мне снять пояс и придержать платье.

Когда я читаю стихотворения, обычно они состоят из трех строк. Один из них я продекламировала Пэй Чжао: «Как мне избавиться от печали? Только Ду Кан поможет!» Другой стих гласил: «Дожди громкие, дожди тихие. Громкие и тихие звуки смешиваются вместе, как большие и маленькие жемчужины, падающие на тарелку». Зачем мне читать это стихотворение? Просто, когда я учила язык Центральных Равнин, это было стихотворение, которое было особенно трудно произносить, поэтому я читала его как скороговорку. Каждый год я читала это стихотворение.

- Дожди громкие, дожди тихие.

Громкие и тихие звуки смешиваются вместе,

Как большие и маленькие жемчужины,

Падающие на тарелку...

Как и ожидалось, сделав дело, я наконец-то почувствовала себя легко и комфортно.

Когда я быстро обернулась, я как раз размышляла, какая я умная, раз все еще могла вспомнить то стихотворение.

Ли Чэн Инь вдруг слегка пошевелился, а затем открыл глаза.

- А-а!- закричала я.

А'Ду вскочила, и со звуком «вжух» достала свой нож. Юн Нян испугалась моего крика, но А'Ду оттолкнула ее. Инкрустированный золотом нож А'Ду мигом был приставлен к шее Ли Чэн Иня. Я была в растерянном состоянии и принялась поспешно поправлять платье, крича А'Ду: «Нет! А'Ду, не двигайся!»

Я быстро надела пояс, но одеяние Центральных Равнин было таким громоздким и многослойным, что мне никак не удавалось нормально разгладить ткань. Тем более, обычно дворцовые служанки помогали мне одеваться. Когда я быстро надела ремень, я завязала слишком тугий узел, и теперь не могла как следует заправить платье. Я быстро оттащила А'Ду, стараясь ее урезонить: «А'Ду! Нет! Он только немного напугал меня!» А'Ду, наконец, убрала нож.

Ли Чэн Инь уставился на меня, а я уставилась на него. Его безжизненный взгляд прошелся по сложенным ширмам в задней части комнаты, потом он посмотрел на ошарашенную Юн Нян, на ночной горшок у окна, а затем - на мою руку, которую держал. Наконец, он посмотрел на мою талию, всю в беспорядке с завязанной в тугий узел одеждой. В этот момент уголок рта Ли Чэн Иня внезапно дернулся.

<http://tl.rulate.ru/book/12649/1617414>